

Г. БУШМАНОВА

## „Умей найти такого человека...“

На собрании коллектива молодых рабочих, борющихся за почетное звание людей коммунистического труда, стоял такой вопрос: «Недостатки в наших характерах и пути их исправления».

Такую типину, такую взволнованную типину и напряженное внимание к выступавшим я, пожалуй, не наблюдала еще ни на одном собрании. Оказалось, что идеальных людей в коллективе нет. Что-нибудь да неладно было у каждого: сучок или хоть малюсенькая задоринка.

У одного слаба воля. Намерения своротить горы, а на деле камешек лени сдвинуть.

Другой живет как-то просто так, стремлений у него ни к чему нет, нет огонька впереди.

Третий неискренен: думает иногда одно, а говорит другое. И не узнаешь порой, когда он говорит правду.

Четвертый чересчур спокоен, разнодущен ко всему. Видит неладное в жизни, беспорядок, а проходит мимо, как будто ему все равно, что делается на свете.

А этот все старается уединиться, никогда не бывает вместе с коллективом. Почему он такой индивидуалист? Пусть объяснят, пусть скажет!

Удивительным было это собрание. Конечно, разговор на такую тему требовал большой душевной тонкости, такта, деликатности, и, по-моему, ребята все-таки немножко наломали дров. Но не это было главным.

Я слушала их и вспоминала дневниковую запись юноши Льва Толстого, где он очень строго, придирчиво анализирует свой характер, вспоминала о том, как воспитывал себя молодой Чехов... Во все времена передовые люди стремились к совершенствованию своих человеческих качеств. Но это были все-таки только одиночки, и не всегда юношеские мечты осуществлялись. Жизнь часто шла вразрез этим мечтам и стремлениям.

А сейчас? Не одиночки, тысячи людей стремятся быть красивыми. Во всем: в труде, в своих мечтах, в отношениях с товарищами, в любви. Они думают о человеке коммунистического общества, и спрашивают о том, каким же он будет, этот человек, в многочисленных письмах в газеты и журналы. Горячо спорят об этом на своих собраниях, вечерах, конференциях.

Во многих изданиях появились новые рубрики: «О советских людях», «О хороших людях», «О том, как поступают советские люди», печатаются отдельные «Рассказы о советских людях», огромными тиражами выходят романы и повести о наших современниках. Все это — наущный хлеб, духовная пища, без которой невозможно обойтись.

Уже не первый год выпускает «Рассказы о советских людях» Пермское издательство. По словам главного редактора издательства А. Граевского, оно ставит «цель — дать читателю произведения, в которых говорилось бы о тех высоких моральных, этических качествах, какие присущи настоящим советским людям».

Вот с этой точки зрения и попытаемся рассмотреть «Рассказы о советских людях», выпущенные в 1961 году.

Перебирая книжки и встречаясь с именами уже известных на Урале писателей, невольно сразу же обращаешь внимание на два новых имени: Владимир Волосков и Петр Журавлев. Первые отдельно

изданные рассказы! Неудержимо хочется прочитать сначала именно их. Изверное, потому, что неизвестное всегда заманчиво и сугубо открытия. А вдруг? Вдруг является новый талант? Ничего не может быть радостнее для читателя.

Впрочем, с Владимиром Волосковым мы уже встречались.

Как-то в редакцию журнала «Уральский следопыт» пришло письмо от бывшего военного моряка. Автор писал, что после войны он работал в геологической партии. Но произошел несчастный случай, и сейчас он парализован, лежит в постели. Вместе с письмом — рассказ «Во имя жизни». Было совершенно ясно, что у автора писательское дарование, и журнал напечатал этот рассказ.

Поэтому-то с особенной радостью снова встречешь имя Владимира Волоскова. Значит, человек продолжает работать, значит, в трудном своем положении он настойчиво добивается цели. А это — отлично.

Новый рассказ Владимира Волоскова называется «Сыч». Герой его Николай Сычев, по прозвищу которого и назван рассказ, потерял веру в людей, веру в добрые чувства и справедливость. Это — беда, болезнь, на него свалившаяся. Но рано или поздно она обязательно излечивается, если человек не один, а в коллективе наших советских людей. Об этом написан рассказ. Но и не только об этом.

Литература — всегда открытие человека. В применении к рассказу Волоскова это выражение имеет и другой, более узкий и прямой смысл. Все действующие лица рассказа, а вместе с ними и читатели из протяжения всего повествования постепенно разгадывают, раскрывают Николая Сычева. Открытие человека, счастье товарищества с очень хорошим человеком — еще одна тема рассказа.

Если ты повершишь в человека, протянем ему руку помощи, сделашь его лучше, ты обогашишь и самого себя. Человек старшей возрастной группы возвратит сделанное тобой.

Конечно, такая мысль звучала и в других произведениях о нашей советской действительности. Но сейчас она приобретает особую значимость, ибо в обществе, о котором мы мечтаем и которое мы строим, человек человеку будет друг, товарищ и брат.

Автор на протяжении рассказа сталкивается своего героя с разными людьми.

Общаешься с подчиненными ему рабочими (а он — бригадир в геологической партии), Сычев сух и угрюм. Он очень мало говорит, говорит ровно столько слов, сколько нужно. Говорит только для дела. Ни каких проявлений чувств. Словно на замок закрыты себя человек. Но жизнь — та-

кая штука, что под замком долго не присидишь. Буревики заметили, что он замечательно работает, очень изобретательно, очень самоотверженно. Николай Сычев прежде всего — рабочий человек. Те страницы, где автор показывает, как работы Сычев — одни из лучших. Они читаются с неослабным вниманием. Каким-то шестым или десятым чувством ощущаешь — и не сочинено автором, это настоящая жизнь. У буревиков возникло к своему бригадиру невольное уважение.

А с Машей Белоусовой, девушкой, разреше других понявшей его, Сычев другой скромный до застенчивости, чутко отзывчивый на человеческую теплоту, целомдревно чистый.

С маленьким же Витькой, братом Машин, Сычев как отец или старший брат. Мальчишка смотрит на дядю Колю взрослыми глазами.

— Так постепенно шаг за шагом все больше и больше гравей приоткрывается в этом человеке.

Но автор не только сталкивает Сычева с разными людьми, он ставит его в трудные положения, которые дают возможность еще глубже узнать человека. При этом рассказ сделан так, что ни на минуту не возникает ощущения нарочитости сюжетных построений. Жизнь течет в рассказе очень естественно, в определенном направлении, течет далеко не всегда склонно, она то и дело встречает препятствия, а в конце рассказа — настоящий порог. В конце — взрыв чувств всех героев. Очень интересный психологический момент. Сычев еще не понятен до конца. Еще не все в нем ясно, есть какие-то темные углы. Но уже проглядывают качества чудесного человека. И вдруг — и него ложится обвинение в тяжелом преступлении. Все смешалось, все непонятые люди в ожидании, как тут натянуть стрелы. Надо уметь создать такой конфликт. Когда же он разрешился, люди узнали Сычева таким, каким еще никого не видели. Только сейчас они поняли до конца, что за человек их товарищ.

В самом конце рассказа один из героев говорит: «Люблю чистое... Вроде бы умыся сейчас». Точно такое же чувство испытывает и читатель. От встречи с Николаем Сычевым он становится богаче и счастливее.

Это произведение рассказало нам и о авторе, о том, что он уже умеет делать в трудной писательской работе.

Он умеет строить сюжет в соответствии с темой и мыслью рассказа. Он хороший психолог. Об этом надо было бы говорить подробно. Но в короткой рецензии все скажешь. Отличимся двумя примерами:

Писателей довольно часто постигает неудача в обрисовке внешнего портрета героя. Бывает так, что черты внешности — сами по себе, а характер — сам по себе. На одной из первых страниц «Сычка» мы знакомимся с заведующим бурилием Сонечкиным. Он низенького роста. И у него дряблые щеки. И все. Сама по себе эта деталь — дряблые щеки собой приязни не вызывает. Скорее наоборот. А потом, когда все больше узнаешь человека, получается так, что эти же дряблые щеки Сонечкина возбуждают к нему щемящую сердце симпатию. Он состарился на трудной работе, этот человек. Ему уже пятьдесят девять лет, и он болен. О жизни, большой и нелегкой, говорит эта деталь в описании внешности героя.

Самая характерная особенность речи Сычева — паузы. Он говорит, как уже указывалось, чрезвычайно лаконично. Подлежащее изюс сказуемое. Или то, или другое. И точка. Люди ждут, что он добавит что-то еще, но хоть слово. А он молчит. Просто удивительно, как много могут говорить о человеке такие вот паузы. Замкнутость характера Сычева в такие моменты проступает необычайно отчетливо.

Есть в рассказе и недостатки. Волосков, говоря о Сычеве, постоянно употребляет такие эпитеты: «Глаза его загорались мрачным, холодным огнем». «Оно (лицо) принял обычное хмуро-зловещее выражение», «Сычев со свирепым выражением лица...» и т. п.

Такого рода эпитеты не гармонируют с образом человека, созданным в рассказе. Все поступки, все поведение Сычева говорят о том, что это необходимый, замкнутый, необщительный, угрюмый человек. Но не холодный, не мрачный, не свирепый. Это два каких-то соседних ряда красок. Автор, нам кажется, совсем напрасно их смешал. Его рассказ написан так психологически тонко, что такое смешение складалось заметным.

И еще. Второстепенные герои — Попов, Никитин, Карамышев, Ревунов — обрисованы пачетко, они забываются. А между тем, автор умеет показать человека, пользуясь минимальными средствами. Тракторист Погодин — лицо эпизодическое, он только промелькнул на страницах рассказа, а суть его характера читатель уже уловил и запомнил этого человека.

Владимир Волосков может решать трудные, большие задачи. А это значит — надо быть еще более требовательным к себе. То, что может простить себе из первых воров другой начинающий писатель, В. Волосков не должен прощать, так как путь его к первому успеху оказался зачи-

тельно короче путей других молодых авторов.

Насколько обрадовал рассказ В. Волоскова «Сыч», настолько огорчил первый рассказ Петра Журавлева «Маша». Он явно неудачен. Он похож на оркестр без дирижера. Звуки, издаваемые отдельными инструментами, не сливаются в мелодию, никак не можешь уловить ведущую тему произведения.

О чем рассказ? Василий, вернувшись из армии, оставляет свою жену с ребенком и женится на другой. Маша, его бывшая жена, продолжает любить мужа, и, отталкивая его, все же надеется, что он вернется. Василий так, как он представлен автором, вызывает у читателя резко отрицательное отношение. Ни Машу, ни сына своего он даже видеть не хочет, просто не хочет и все. «Правда, у них ребенок! Но зачем он Василию?» Женившись на Татьяне, он по ночам истязает ее: «ухватить кожу на груди и накручивать». От этого у женщин — огромные синие подтеки.

Маша узнала об этом, «ей ясно было теперь, что он действительно грубоват» (Ничего себе «грубоват»!). И она продолжает его любить. Любят и все. Мечтает: «Неужели он все-таки не вернется ко мне?» Она склонила себя на отчетливом и ясном желании: «броситься и испарить Татьянино лицо».

Вот вам Маша. А ведь именно ее автор рекомендует как настоящего советского человека.

Получается так, что дирижер пытается все-таки собрать оркестр, но это ему никак не удается. То один, то другой инструмент фальшивит, издает совсем не ту ноту, какую надо. И подозреваешь, что и сам-то автор не знает, какие ноты нужны ему, какие ноты могут передать замысел рассказа.

И, кроме того, остается отчетливое ощущение, что у П. Журавлева очень низки критерии оценки человеческих качеств советских людей. Рассказ дискредитирует рубрику, под которой он напечатан.

Не надо было публиковать его. Издательство оказалось плохую услугу молодому автору: рассказ еще нуждался в большой, кропотливой работе.

Не надо было публиковать его и во другой причине: в этой же серии есть отличный «Рассказ о любви» В. Астафьева. От этого рассказа нельзя оторваться. Его можно читать несколько раз подряд. Его очень трудно рецензировать: жалко разрезать живое тело на части.

Герой Астафьева вспоминает себя в годы войны в госпитале. Когда кругом тебя горе, «раны, кровь, смерть», то в голову

невольно могут прийти мрачные мысли. Рассказы о них читатель, и сердце его дрогнет жалостью, сочувствием, состраданием к этим покалеченным людям. А Михаил Ерофеев совсем не несчастный человек, наоборот, он «веселый и беззаботный парень». Очень веселый. И еще... кажется, влюбленный. Очень влюбленный». Ему всего девятнадцать лет, и рассказывает он о первой своей любви. А обо всем тяжелом он не любит говорить. Но так как дело-то все-таки происходит в госпитале, то иногда, для того чтобы рассказ получился связным, бывает необходимо сказать и о том, что его окружает. И вот тогда-то нет-нет, да и ударят читателя фразы или слово, сурвое солдатское слово, такое, от которого сжимается сердце, но не от жалости, оскорбляющей солдат, а от лютой ненависти к войне.

Нет, он совсем не беззаботный, Михаил Ерофеев. Вся неизмеримая тяжесть войны, которая легла на плечи солдат, легла и на его плечи. Но не согнула, не придавила его, потому что он сильный человек.

Больше всего на свете Михаил Ерофеев не любит наркоза, когда проналиваешься «куда-то в бесконечную темноту». Он думает, что «извернение, вот так умирают люди». А Михаил любит жизнь. Правда у него «подбит осколком глаза, поломана нога», и рука не живет... висит, ровно чужая. Мертвая рука. И он не знает, что будет делать после войны. Он — составитель поездов. «Чтобы работать составителем, нужны обе ноги, оба глаза». Но «изплевать! Не один я такой. Не прошаду».

Видите, как он говорит о своих ранах. Вы не посмеете пожалеть его. Вот этот переход от невеселых дум к его «беззаботному» настроению очень характерен для всего рассказа Астафьева. Надо обладать большой чуткостью и тактом, чтоб никогда, ни в одном слове, ни в одной интонации не остаться, чтоб рядом со словами о войне веселая улыбка не оказалась бы кощунством.

И надо обладать замечательным мастерством, чтоб так органично сплавить в одном характере сдержанную силу многое повидавшего и пережившего солдата-гвардейца и обаяние девятнадцатилетнего и к тому же влюбленного мальчишки. Читая рассказ Астафьева, невольно вспоминаешь слова П. П. Бажова: «Наши люди даже перед подвигом смерти не встанут на котурыни и «могут отмочить одобрительную шутку».

Какой же была любовь Михаила Ерофеева? Он увидел Лиду впервые, возвращаясь из небытия к жизни, и любовь пришла «как свет, как воздух, как утро». Ни на минуту не приходило в голову, имеет ли право человек любить в такое трудное

время. Он слишком юн и не склонен такого рода размышлениям. А главное: искалеченный, «почти убитый» Михаил Ерофеев полон такой жизненной энергии, такой жизнелюбия, что вопрос этот в изменении к нему просто смешон. Если есть свет, есть утро, значит, есть жизнь и ее любовь. Михаил не задумывается над своим отношением к Лиде, он только очень подробно описывает свои встречи с ней. И встает со страниц книги обаятельный человек, очень ценный, светлый, ясно, очень многогранный в душевных движениях своих. То он ненавидит себя за собственное хвастовство, то он чисто рабочими озабочен чубом, чтоб заплечь Лиду, то он всерьез расстраивается из-за «форсистых черных усиков» офицера, которому Лида отдавала предпочтение, вдохновенно сочиняет историю, в которой действуют благородный воин-храбр и фронтовая сестра, то он, приняв на борту все горе собравшихся в госпитале пленных, поет им песню, тихо, почти горячо, всей силой своей души он «оживляет» их, заставляет верить, что в читце война и вернутся они в родные места.

Но любовь во время войны оказывается сказкой. Одной из тех сказок, которые любил сочинять фантазер Михаила. А всякая сказка имеет конец. Неожиданно услышал слова Лидиной матери о том, что лучше ему оставить девушку, у нее ведь семь классов образования и она подавлена. Наступил день ухода из госпиталя Ильи мальчишка. С Лидой прощался из слезливый человек, спрятавший свою огромную душевную боль в несколько слов: «Не надо плакать, сестренка моя». Михаил очутился на пересыпке и, когда пришла к нему Лида, он вдруг увидел себя чумными чулками, бесподобными глазами, в латах и штанах, в огромных, расшлепанных башмаках, в обмотках, в ветхой гимнастике, беззубого, худого». И вот тогда-то прочитал Михаил в глазах Лиды сопоставление к нему. Он не мог с ней говорить о попросил ее сейчас же уйти.

Сильный, мужественный человек, вдруг оказался бессильным что-либо изменить.

Человек, который, будь он «сказочником-повелителем», всех людей одел бы в «красивую одежду», особенно тех, кто «широко любят», этот человек сам оказался в безобразном одеянии, внушающем жалость.

Человек, который узнал «радость, большую, оглашающую», вдруг оказался ворованым. Отняли у него эту радость, отняли счастье, убили любовь.

Вот что такое война.

Не только о любви написал свой рассказ Астафьев, о любви и о войне, о человеке, которому в девятнадцать лет пришлось вынести столько, сколько иному не придется и за девяносто. Человек этот выдержал все и победил. А любовь его до сих пор «все горит, все светится».

Нельзя убить любовь, нельзя убить красоту человека, как нельзя убить жизни.

У этого рассказа есть одна особенность. В нем очень явственно проявляется личность автора. Волосков всегда рядом с героем. А. Астафьев сливается с ним. И от этого рассказ становится каким-то очень душевным, сердечным, необыкновенно волнующими читателя. Слияние автора с героем, как известно, таин в себе опасности. Но Астафьев избегает их. Получается так, что он рассказывает как будто о себе, но о себе в молодости. Поэтому рассказ не теряет управления, поэтому все происходящее в нем находит энкапту автора или Михаила Ерофеева — взрослого человечка.

В этой же серии вышел другой рассказ В. Астафьева «Дикий лук». Он имеет точный адрес и прямо высказанную авторскую мысль.

Адрес — бригадам коммунистического труда. Мысль — «высокое званиедается не только за процента производительности труда, но и за процент ответственности... за ту жизнь, которую они творят, и за того человека, который ее творит вместе с ними».

Бывает так: организуется бригада людей, решивших добиться звания коммунистической, и подбираются в нее люди со всех сторон хорошие, а всякие компрометирующие элементы выбрасываются.

Выбросили, нет, должно попросили из такой вот бригады и Генку Гущина. «Недобойный» он парень. Голову сломаешь, пока сделаш из него человека, достойного носить такое высокое звание. Попробуй его воспитать! Никаких организаций Генка не признает, «прижима никакого не терпит, учиться он не хочет, живет «с холотком», все время жди от него какого-нибудь зорства, о будущем, да что о будущем, даже о завтрашнем дне, он совсем не думает. В общем, у него прощать всяких грехов.

А вот Катя, Генкина знакомая, заметила в нем и другое. У Генки «удивительно живые... глаза. Глядеть в такие глаза и то радостно. Столько там светится жизни, веселости, любопытства. Катя еще ни у кого не видела таких, через край переполненных жизнью, глаз».

Генка — «весь нараспашку», весь открыт на встречу людям, и, кажется, знаешь его вдоль и поперек. А вот не раз-

глядели же ребята из бывшей его бригады, что за Генкиным зорством кроется внутренняя неумная сила, которую парень просто не знает куда деть, что за внешней грубостью его прячутся иногда очень чистые побуждения — как же не оценили эти ребята Генку-работника!

И потом он очень наш, советский парень, Генка Гущин. Начнись война, и можно поручиться, что Генка так отомстит врагам за погибших отца и братьев, за мать и за родную землю, что запомнит его враги. Совсем мальчишкой был он во время прошлой войны, а работал на бирже — укладывая доски в штабели. «Все руки в занозах были — старался от взрослых не отставать!» Работал он ведь почти тайком, так как несовершеннолетних на эту работу не принимали.

Он весь — от нашей жизни, Генка. Он крепко стоит, у него «цепкий корень, живучий корень». Но он еще, как дикий лук, что растет в Заполярье. Много сил и труда надо приложить, чтобы вырос из него человек, который смог бы вместе с другими открыть дверь в коммунизм. Отмакиватьсь от таких, как Генка, и от еще более «трудных» людей, бригады коммунистического труда не имеют права, ибо они ответственны за каждого человека, идущего рядом с ними, потому что коммунизм строится не избранными и не для избранных, а всем народом и для всего народа.

Этот рассказ Астафьева — прямое партийное вмешательство писателя в жизнь. Он очень действенен, написан так страстно и убежденно, что наверняка многие читатели, особенно из бригад коммунистического труда, извлекут для себя огромную пользу. А действием заслуживает именно, что сделал он художником. Писатель поставил перед собой несколько необычную задачу: просто показать человека, тип человека. Сюжета почти нет. Автор дал возможность своему герою выговориться. Весь рассказ — рассказ Генки о себе и о том, что делается в его городе — Игарке. Рассказ непоследовательный, то об одном говорят Генка, то о другом, то одной стороны характера поворачивается он к читателю, то другой, притом часто совершенно, казалось бы, непредвиденной. А вместе с тем, Генка предстает очень цельным человеком. И поступки, и мысли, и чувства его — в единстве. Жизнь героя Астафьева — как поток, он переливается различными красками, он делает неожиданные повороты, но он никогда не заходит в тупик. Рассказы Астафьева читаются с огромным удовольствием, они доставляют настоящее эстетическое наслаждение.

В каждом из рассказов серии — своя жизнь, свой герой. Вот они проходят пе-

ред глазами, все разные, каждый со своей судьбой: Николай Сычев, Михаил Ерофеев, «самые обыкновенные ребята» бригады, борющейся за звание коммунистической из рассказа Ольги Марковой (этот рассказ «Самые обыкновенные» в числе других уже получил обстоятельную и справедливую оценку в печати) врач Мария Петровна из «Белого листа», перешагнувшая через свое горе, чтоб помочь женщине, выневинной в этом горе, — все эти герои многое говорят уму и сердцу читателя, они учат его жить. Выпуская «Рассказы о советских людях», Пермское книжное издательство достигает поставленную перед собой цель.

Но есть одно «НО». То, о чем рассказали нам писатели, это только сегодня нашей жизни. А «ты умел найти такого человека, в котором немножко будущего есть. В труде его, в службе народу, еще в чем». Эти слова из «Необыкновенного лета» Федина невольно вспоминаются, когда обдумываешь рассказы о наших современниках. Такое требование настойчиво выдвигает сама жизнь. В рассматриваемой серии есть один рассказ, в котором блеснул луч этого будущего. Рассказ — о женщине, вся молодость которой уже минула, и о детях ее — наших современниках. Называется он «Малыш цветут». Автор его Лев Правдин. В этом рассказе особенно интересен, на наш взгляд, образ дочери Анисы — Клавдии. Он не разработан до конца, не Клавдия, а ее мать — главная героиня рассказа, тем не менее и то, что мы о ней знаем, вызывает раздумья именно о будущих отношениях между людьми.

В любви нашел Правдин «немножко будущего».

Его Клавдия необыкновенна тем, что она — внутренне свободный человек. Унижение, зависимость — чувства, которые

в полную меру испытала ее мать, ей вершенно незнакомы. В своей любви к Ивану она подчиняется только голосу своего сердца. Она ждет от него, нелюбящего, любимого, ребенка. И это не вызывает в ней ни отчаяния, ни страдания, ни даже горести. Она любит, и она права. Она «смалодушничала» (как думает о матери), не покорилась, не стала рабой своего чувства — она распорядилась им как полновластная хозяйка своей собственной судьбы. А Ивана она заставит себя полюбить. Она не подчинит его, она подарит ему свою любовь — любовь сильного, свободного, красивого человека. Он просто не разглядел, какая она — Клавдия.

Поиски людей, у которых есть «немножко будущего», надо продолжать, это очень плодотворный путь. Особенно в труде, в службе народу надо искать таких героев. Все-таки мало выпускает Пермское издательство рассказов о человеке и его труде. Нам кажется, намечается крен в сторону изображения человека в других сферах его бытия — в любви в семье. И такие рассказы нужны, обязательно нужны, но нельзя забывать главной темы нашей литературы. В противном случае жизнь советского человека в рассказах окажется обведенной. Все это, разумеется, албучные истины. Тем более нельзя о них забывать.

В целом же — Пермское издательство успешно продолжает начатое дело. В большие появляется по-настоящему художественных произведений. Очень хорошо, что издательство привлекает новых авторов, только внимательнее, строже (для же блага!) надо относиться к творчеству молодых. И повторим — читатели очень хотят видеть на страницах книг людей, в которых уже сейчас проглядывают черты человека коммунистического общества.

А. ВОЗНИК

## ЩЕДРОСТЬ РУССКОЙ ДУШИ

Неповторим и прекрасен час пробуждения земли! Вокруг ни шороха, ни звука, словно замерло все в каком-то ожидании. И такая тишина, что кажется: тронь ее — и зазвенит, как лопнувшая струна. Так вот стоял бы и слушал, а что — и самому неизвестен. И ничего тебе не надо, лишь бы поднялась до краев душа этой свежесты родниковой.

Но вот медленно, будто нехотя, над рекой начинает редеть белесая полоска тумана. И не разберешься сразу — то ли легкий ветерок, то ли похожая на рыбачешую зыбкая волна уносит ее в помутнение. Заря как будто играет в прятки. Где-то на горизонте свершает луч солнца и снова погаснет, словно ищет в прохладной свежести утра.